

Искусствоведение и культурология

УДК 282/288
ББК 86.375

А. Н. Андреев

РИМСКИЕ КАТОЛИКИ В ПЕТЕРБУРГЕ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ И ИХ УЧАСТИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ¹

A. N. Andreev

ROMAN CATHOLICS IN PETERSBURG UNDER PETER THE GREAT AND THEIR PARTICIPATION IN RUSSIAN PUBLIC LIFE

В статье проанализирован социальный состав римско-католических общин Петербурга при Петре Великом, на конкретных примерах прослежен вклад католиков в развитие вооруженных сил, градостроительства и художественной культуры России. Сделан вывод о преобладании среди прихожан петербургской католической церкви ремесленников и флотских офицеров. Высоко оценена роль известных деятелей искусства (Д. Трезини, К.-Б. Растрелли, Л. Каравака, Н. Пино) в становлении петербургского католического прихода, отмечен факт сильного влияния католиков имперской столицы в духовной жизни России. Выяснено, что гражданские чиновники в петербургском приходе составляли меньшинство и, в отличие от военных деятелей и людей искусства, не оказали ощутимого воздействия на процессы общественного развития и государственного строительства.

Ключевые слова: римские католики, католические общины, католический приход в Санкт-Петербурге, русское общество, Россия в XVIII в.

The article gives a developed analysis of the social structure of Roman Catholic communities in Petersburg under Peter the Great. On concrete examples the paper traces the Catholics' contribution to the progress of Russian armed forces, Russian town planning and arts. The author concludes that craftsmen along with naval officers prevailed among Petersburg Catholic parishioners in the first quarter of 18-th century. The paper highly estimates the role of famous artists (D. Trezzini, K.-B. Rastrelli, L. Caravaque, N. Pineaux) in the evolution of Petersburg Catholic parish, notes the fact of intensive catholic influence on the Russian spiritual sphere. It's evidently that civil servants in Petersburg formed the parish minority and they did not strong influence on processes of the state construction and social development.

Keywords: Roman Catholics, Catholic communities, Catholic parish in St. Petersburg, Russian society, Russia in the 18-th century.

В широко развернувшихся на Невских берегах «великих стройках» царя Петра были задействованы представители самых разных национальностей и вероисповеданий. Рождению имперской России и ее столицы способствовали многие европейцы-католики, которые наряду с православными и протестантами проектировали петровский «парадиз» и вбивали сваи в фундаменты его домов и дворцов, строили корабли и командовали флотом, создавали сеть административных учреждений и участвовали в их работе. Пользуясь правом организовывать богослужения, католики с первых дней существования Петербурга объединились в церковную общину².

Ядро общины изначально составили морские и сухопутные офицеры. В 1703—1704 гг. они еще не имели собственного священника и окормлялись приезжавшими из Москвы иезуитами, доносившими

о состоянии своей миссии: «Была поездка в Петербург у Финского залива за 138 германских миль; ездили ради живущих там офицеров-католиков»³. Помимо военных в католическую общину очень рано вошли мастеровые: уже осенью 1703 г. в город прибыли итальянцы — «гипсового и полатного дела и фортификации мастера» Джованни-Мария Фонтана (Иван-Мария Фонтан, Giovanni Mario Fontana), Галеас Квадро (Galeazzo Quadro), Карло Феррара (Carlo Ferrara) и Доменик Руто (Domenico Ruto)⁴. Среди петербургских католиков в 1706 г. упоминаются также «нюрнбергские и швейцарские скульпторы», работавшие «для светлейшего царя»⁵. Любопытно, что именно они изготовили для каменного костела св. Троицы в Москве сень «с предстоящими довольно большими ангелами»⁶. Не имея еще своего храма, петербургские католики жертвовали деньги и материалы на строительство московского костела, к приходу которого относились в первые два года существования города на Неве⁷.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-31-01205.

Стремительный рост Петербурга, повышение его политического и экономического значения способствовали быстрому развитию церковных структур римских католиков. Община вобрала в себя представителей самых разных военных и гражданских специальностей: морских офицеров, артиллеристов, инженеров, строителей, врачей и фармацевтов, чиновников, архитекторов, скульпторов и живописцев, садовников и купцов⁸. В 1705 г. из нее образовался католический приход с собственным молитвенным домом, а еще через пять лет была построена деревянная церковь в Греческой слободе⁹. Если в 1709 г., по данным иезуитской миссии, в Петербурге насчитывалось всего 70 католиков¹⁰, то к концу 1724 г. в городе было уже не менее трехсот взрослых верующих¹¹. «Папезцы» составляли около 1% от всего петербургского населения в конце царствования Петра I¹², тем не менее их следует признать важнейшими агентами петровской модернизации. Католики были представлены не только простыми ремесленниками (штукатурами, переплетчиками и т. п.), но и крупными военными чинами, деятелями искусств, совмещавшими службу на благо России с церковно-распорядительной работой. К последним можно отнести вице-адмирала М. Х. Змаевича, контр-адмирала И. Фангофта, скульпторов К.-Б. Растрелли и Н. Пино, архитектора Д. Трезини, живописца Л. Каравака и др. Попытаемся оценить их вклад в становление латинского прихода и одновременно в культурное и государственное строительство имперской России.

Безусловно ярким представителем католической общины Петербурга в XVIII в. являлся Матвей (Матия) Христофорович Змаевич — талантливый офицер, уроженец Пераста в Далмации, служивший поначалу Венецианской республике, а в 1710 г. принятый П. А. Толстым на русскую службу в чине капитана (рис. 1). Змаевич много способствовал

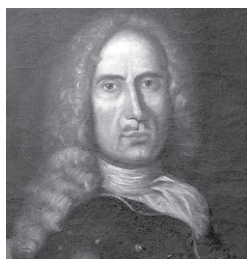

Рис. 1. Портрет М. Х. Змаевича. Пераст, городской музей

победам русских гребных судов в Северной войне и вообще развитию галерного дела в России. С 1712 г. он командовал на Балтике «шхерным» флотом, отличился в Гангутском сражении, в 1719 г. был произведен в чин штурбенахта (контр-адмирала), а еще через два года стал вице-адмиралом и членом Адмиралтейств-коллегии¹³. Этот знатный католик курировал строение галерной гавани в Петербурге¹⁴, вместе с другими влиятельными офицерами в течение многих лет принимал стратегические и управленческие решения по разным вопросам — от высадки десанта на вражеский берег до фрахтовки иностранных судов¹⁵. Будучи всей душой предан католическому вероучению и папству, Змаевич со времени приезда в Россию пребывал старостой петербургского прихода от морских служащих. Выбор моряков и корабельных плотников не был случайным: родной брат их начальника Винсент Змаевич являлся Зарским католическим архиепископом, виднейшим церковным деятелем в Далмации¹⁶. В петербургском доме Матвея Змаевича постоянно

проживали францисканцы во главе с Микеланджело де Вестинье из Турина, проводили богослужения и читали проповеди, на которых часто присутствовали флотские служащие православного вероисповедания¹⁷. Еще будучи капитан-командором, Змаевич не скрывал своих прозелитических настроений. В письме папе Римскому из Петербурга 2 мая 1714 г. он писал: «Я должен буду способствовать христианскому благочестию в этих краях путем создания церкви, путем учреждения латинского духовенства в городе Петербурге, теперешней резиденции двора, на корабельных верфях и повсеместно в Московии... Я буду делать это путем восхваления Вашего святейшего имени среди этой нации»¹⁸. Змаевич, действительно, сдержал свое слово: близкий к царю и правительству, он оказывал всемерную поддержку иезуитам, а потом францисканцам и капуцинам, выступал поручителем за них и был доверенным лицом некоторых священников. Например, после высылки из России иезуитов в 1719 г. личные вещи и письма видного иезуитского миссионера о. Михаила Энгеля оставались на сохранении штурбенахта¹⁹. В известной ссоре между капуцинами и францисканцами, произошедшей в Петербурге в 1720—1724 гг.²⁰, Змаевич держал сторону францисканца Деолегио, однако не оставлял без попечения и капуцинов Аполлинария фон Вебера и Петра Хризолога²¹. Он же 22 августа 1720 г. ходатайствовал перед генерал-полициймейстером А. Девьером о разрешении перестроить костел в камне и получил санкцию²². Таким образом, реконструкция церковного здания в Греческой слободе в начале 1720-х гг. была начата с подачи штурбенахта.

Активным деятелем и старейшим членом церковной общины был помощник Змаевича галерный капитан-командор Лука Демьянов (к сожалению, не удалось установить его национальность). В 1704 г. он строил гребные суда на Олонейской верфи²³, в 1705—1708 гг., командуя галерой «Александр Македонский», отчаянно сражался против шведов у Кроншлота²⁴. В дальнейшем Демьянов обеспечивал успех морских и сухопутных операций в Ревеле, Выборге и Риге, действовал в составе отряда штурбенахта графа И. Ф. Боциса²⁵. После войны Демьянов заменял в Петербурге Змаевича во время его служебных разъездов²⁶. Вице-адмирал К. Крюйс характеризовал Демьянова как «добротного и искусного человека»²⁷; при этом капитан-командор обладал сильным характером, выделявшим его среди сослуживцев и дававшим ему право считать себя заступником за католические интересы. Им он оставался до 19 марта 1725 г., когда по собственному прошению получил увольнение из русской службы и был отпущен на родину²⁸. Вместе с полковником астраханского полка фон Голмом в 1724 г. Демьянов хлопотал в Святейшем Синоде за капуцина Аполлинария, призванного духовной коллегией к ответу за самовольное «завладение ключами и утварью» костела в Греческой слободе²⁹. Демьянов противостоял «францисканской партии», возглавляемой патером Деолегио, и даже позволял себе грубости в отношении синодских служителей и всех несогласных с капуцинами. В одном из архивных дел повествуется о том, как синодский канцелярист

Иван Молчанов пришел в «кирху» после службы, чтобы объявить всем указ в пользу францисканцев, но «капитан Демьянов с прочими не давал того указа читать, взяв из рук патра Аполлинария некоторые о его бытии при той кирхе именные указы, предлагал словесно, притом учинился шум»³⁰.

В галерном флоте служило много и других католиков: сохранившееся «Доношение адмиралтейской коллегии в Святейший Синод с приложением именного списка служащих в ведомстве коллегии иноземцев римско-католического исповедания» от 16 марта 1723 г. показывает, что из 43 моряков-католиков 19 служили на галерах³¹. Все они входили в петербургскую общину. Среди них — капитан-командор Ян (Иван Андреевич) Джимон (Jean de Gimond), француз, принятый в русскую службу в 1709 г. и находившийся на «боевом посту» до самой своей смерти, последовавшей 24 мая 1723 г.³²; капитаны Марк Дубровин³³ и Жорж Дасколи (Георгий Даскали)³⁴, капитан-лейтенант Ян-Баптист Пиццада (Пецади)³⁵, лейтенанты Павел Рагозо³⁶, Питер Франов³⁷ и Николай Грациан³⁸, унтер-лейтенант Константин Борбариче, комиты (галерные приставы) Томас Креп, Мануйло Леворнев и др.³⁹ Служащих корабельного флота в общине было гораздо меньше — в 1723 г. всего 10 католиков находилось в русских эскадрах, причем среди них числится один секретарь (Христофор Мосальский) и три лекаря (Виллим Мисман, Альберт Вольтман и Виллим Мечман). Моряки корабельного флота были представлены английскими шхимонами и боцманами Петром Попеем, Джоном Дириксеном, Ричардом Лительбоем, Томасом Мосеем и Генрихом Коллинзом. Во главе их был поставлен контр-адмирал Ян Вангофт (van Nooft) — голландец католического вероисповедания⁴⁰. Вангофт не столь ярко проявил себя в приходской деятельности, сколько в государственной службе: принятый в 1703 г. в российский флот капитаном, он много лет провел на воронежских верфях, затем воевал на Балтике, входил в воинский совет, принес несколько крупных «викторий», командовал Ревельской эскадрой, а после окончания Северной войны присутствовал в адмиралтейской коллегии (ум. 6 марта 1726 г. в Сестрорецке)⁴¹. Интересно, что Вангофт, находясь еще в чине капитана, командовал кораблем «Святой Антоний Падуанский», названным в честь римско-католического святого. На корабле вместе с католиками служили православные матросы, которые, таким образом, находились под двойным католическим «покровительством» — командующего судном и святого Западной церкви⁴².

Несмотря на личную заинтересованность в становлении прихода, военные (как флотские, так и армейские) могли участвовать в его жизни только эпизодически. В течение всего царствования Петра I офицеры не имели возможности уделять много внимания вопросам развития общины, т.к. подолгу отсутствовали в городе, находились либо на поле брани, либо на верфях⁴³. Военнослужащие стояли у истоков петербургского католичества, однако укреплению этого вероисповедания и превращению общины в полноценный приход в большей степени способствовали люди мирных профессий — архитекторы, скульпторы, мастера и купцы. По-

жалуй, главную роль в этом отношении сыграли выдающиеся деятели русской культуры XVIII в. Доминико Трезини, Никола Пино и Карло-Бартоломео Растрелли.

Уроженец южной Швейцарии Д. Трезини — самый известный из круга петербургских зодчих, творивших в стиле «петровского барокко» (рис. 2). Трезини руководил важнейшими стройками города и терпеливо передавал свой опыт русским ученикам. В то же время в течение почти двух десятилетий он являлся католическим старостой⁴⁴. Иждивением Трезини в 1705 г. была устроена первая публичная молельня католиков, которая располагалась в собственном доме архитектора на Петербургской стороне (в Дворянской или Посадской улице)⁴⁵. Появление постоянного священника и богослужебного помещения позволяет отнести возникновение прихода именно к этому периоду. Службы в молельном доме велись до 1710 г., когда Трезини «своим же коштом» перенес деревянный двор с Петербургского острова в Греческую улицу, сделал перепланировку здания и пристроил алтарь и помещения для проживания духовенства⁴⁶. Так в 1710 г. в Греческой слободе появился первый деревянный костел. Земельный участок, на котором Трезини вел церковное строительство, был куплен вместе с «каморами» за 300 рублей дворцовым садовником Петром ван дер Гаром в начале 1710 г. и подарен католической общине, членом которой садовник являлся⁴⁷. Ван дер Гар, кстати, состоял в садовой конторе Его Величества, где до 1715 г. числилось всего два садовника⁴⁸, — значит, без дер Гара не обошлось ни устройство Летнего сада, ни создание Петергофа.

Подаренный ван дер Гаром участок располагался между Мойкой, Царицыным Лугом (Марсовым полем) и Немецкой улицей (Миллионной) — в районе, получившем название Финских шхер из-за большого числа проживавших там финнов. Местоположение костела не было случайным, т.к. вместе с финнами и шведами там же жили галерные мастера-греки, давшие имя Греческой улице и слободе⁴⁹. Галерный флот, таким образом, надо признать колыбелью петербургского католичества. Костел располагался «близ главной аптеки» на месте нынешнего дома № 3 по Аптекарскому переулку⁵⁰. Его можно видеть

Рис. 2. Неизвестный художник. Портрет неизвестного (Д. Трезини?). 1720-е гг. Гос. Третьяковская галерея

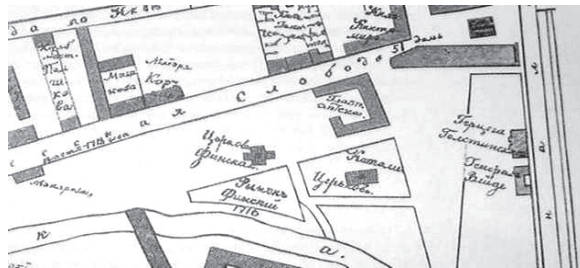

Рис. 3. Фрагмент плана А. Л. Майера 1725 г. с указанием католической церкви

на плане Петербурга 1725 г.⁵¹ и более подробном плане Майера того же года (рис. 3). Имеется изображение костела на гравюре Н.Ф. Челнакова, выполненной в 1770-е годы по неизвестному нам иконографическому источнику (рис. 4). Убранство церкви создавалось руками самих католиков, а утварь приобреталась на жалованье, выплачиваемое казной: декораторы-итальянцы Иван Занолиний и Вестри изготовили траурные покровы, подсвечники и оловянные сосуды, Иоанн Баптист Ноли «своим коштом» — «три ризы из разных штофов с принадлежащим убором к алтарю»⁵². Много способствовали оснащению храма и купцы, которые составляли, однако, в приходе меньшинство⁵³. Купец Пьетро Салуци (Салюций, Салуцы), поставивший царскому кабинету редкие вещи, в том числе ювелирные

Рис. 4. Католическая церковь в Греческой слободе. Гравюра Н. Ф. Челнакова

украшения и статуи для Большого каскада в Петергофе⁵⁴, в разные годы купил для духовенства ризы, стихари, штофные подушки под Евангелие, потиры, серебряные позолоченные сосуды для св. Даров, украсил алтарь⁵⁵. Купец Иосиф Мариотт (Джузеппе Мариотти) приобрел книги, «в которых состоит вся церковная нужда, также и всякую посуду, которая надлежит в кухне»⁵⁶.

Большое участие в оснащении и украшении храма принял Никола Пино (Пиньо, Блинью, Nicolas Pineaux) (1684—1754) — французский резчик и скульптор, работавший в Петербурге с 1716 по 1728 г. Пино приобрел громкую славу «одного из первых изобретателей барочного вкуса», причем не только во Франции или России, но и в целом мире⁵⁷; без упоминания его имени, как справедливо заметил Е. В. Анисимов, «не обходится ни одна книга о прикладном искусстве первой четверти XVIII в.»⁵⁸. В России Пино украсил резьбой интерьеры Большого Петергофского дворца, декорировал колокольню Петропавловского собора и др. постройки⁵⁹. В 1720 г. он вместе со своим другом Д. Трезини способствовал отделению от католического прихода французской общины, несколько лет просуществовавшей автономно и проводившей богослужения в особой «каплице», или «церкви во Французской улице на Васильевском острове»⁶⁰. Пино обладал большим авторитетом среди соотечественников — прибывший в Петербург вместе с архитектором Ж.-Б. Леблонем 14 августа 1716 г., он уже в октябре был «выбран начальником надо всеми рещиками»⁶¹. У них же Пино являлся церковным старостой, затем был патроном французской общины на В. О., которая в начале 1726 г. насчитывала 43 человека мужского пола⁶². Во французской общине преобладали ремесленники — каменщики, плотники, строители, чеканщики, слесари, кузнецы, фонтанные мастера и прочие специалисты. Среди них находим столяра Жана Мишеля, литейщика Этьена Соважа (Степан Саваж), подмастерье Бартелеми (Варфоломея)

Симона (Barthélémy Simon), приехавших вместе с Пино⁶³. Поименный состав общины можно восстановить, проанализировав список обитателей Французской слободы⁶⁴.

В католических общинах Петербурга, как и в любых религиозно обособленных коллективах, были весьма тесны родственные связи и крепки свойственные отношения. Никола Пино, например, был женат на сестре Б. Симона Марианне и через этот брак приходился зятем придворному живописцу, портретисту и декоратору Людовику Караваку, бывшему мужем другой сестры Симона Маргариты⁶⁵. Крестными детей Пино были: у дочери Марианны — жена архитектора Леблона, у Жанны-Луизы — Л. Каравак с супругой, у сына Доминика — Д. Трезини со своей женой⁶⁶.

Людовик Каравак (Louis Caravaque, 1684—1754) — тоже не последний прихожанин петербургского костела и французской общины. В документах он упомянут среди «старост и строителей» церкви⁶⁷. Каравак прибыл в Петербург из Парижа в 1716 г. и стал признанным мастером рококо в России, прославившись шпалерными работами и портретами детей и внуков Петра I («Петенька-шишечка»), парный портрет Анны Петровны и Елизаветы Петровны, портрет великой княжны Натальи Алексеевны и др.)⁶⁸. Несмотря на то, что талант художника не был блестящим, Каравак очень многое сделал для становления портретного жанра в России, подготовил плеяду русских учеников (И. Я. Вишнякова, А. П. Антропова)⁶⁹. Тема его конфессионального и культурного влияния на процессы творческого роста русских живописцев еще ждет своих кропотливых исследователей⁷⁰.

Русское искусство XVIII в. невозможно представить без творчества еще одного известного петербургского католика — К.-Б. Растрелли (1675—1744), флорентинца по происхождению, ведущего мастера барокко в скульптуре, заложившего целое направление в русской пластике (рис. 5)⁷¹. Перед приездом в Россию Растрелли в течение ряда лет работал в Риме и Париже, снискал одобрение папы Римского

Рис. 5. К.-Б. Растрелли. Автопортрет (предположительно). 1732. Государственная Третьяковская галерея

и получил титул графа Папской области, дававший в феодальной «Московии» большие преимущества. В 1715 г. Растрелли был контрактован царским советником Иваном Лефортом, специально посланным в Париж для найма французских рабочих, которые в дальнейшем и составили ядро французской католической общины⁷². Вместе с Растрелли 24 марта 1716 г. в Петербург прибыли завербованные Лефортом архитектурный гезель Жак Лежандр, столяр и резчик Леблан, литейный мастер Антуан Левалье и уже упомянутый художник Луи Каравак⁷³. Все они стали прихожанами костела Греческой слободы, а затем «французской каплицы». Растрелли оставался их патроном и опекуном, почему и был в свою очередь избран церковным старостой. Первоначально скульптор проживал вместе с сыновьями Франческо

(будущим знаменитым архитектором) и Филиппом во Французской слободе⁷⁴, однако после прибытия в Петербург жены Растрелли в 1717 г. семья переселилась во дворец покойной царицы Марфы Матвеевны, супруги царя Федора Алексеевича⁷⁵. В этом одноэтажном, но просторном здании, в центральной его части, Растрелли устроил свою квартиру и мастерскую, где жил и работал как минимум до 1727 г.⁷⁶ У него обосновался францисканец из Парижа Кондилье (Колдимер)⁷⁷, который в доме Растрелли периодически окормлял французских прихожан костела. В октябре 1727 г. Канцелярия от строений по запросу Верховного Тайного Совета докладывала верховникам о том, что Растрелли бесплатно имеет «довольную квартиру, а именно жилых девять камор, и кирка католическая в той квартире»⁷⁸.

Конечно, далеко не все прихожане костела, служившие музам, были такими яркими творцами, как Трезини или Растрелли. Большая их часть не возвышалась над средним уровнем своего ремесла, однако и они внесли посильную лепту в развитие страны. К ним можно отнести архитектора-швейцарца Николая Фридриха Гербеля (принят в службу в 1717 г., ум. 16 сентября 1724 г. в Петербурге) и итальянского зодчего Гаэтано Киавери (1689—1770, прибыл в Россию в 1718 г.). Гербель состоял архитектором в Канцелярии городских дел и Полицмейстерской конторе⁷⁹, начал строительство Исаакиевской церкви и Кунсткамеры, однако не смог завершить их постройку, сделав ряд просчетов. Технические ошибки, повлекшие за собой отстранение от строительных и проектировочных работ, позволяют отнести Гербеля к «категории мало подготовленных специалистов-иностранцев»⁸⁰. Из самостоятельных творений Гербеля отметим проекты Конюшенного двора⁸¹ и перестройки костела Греческой слободы в камне⁸², которые также не были реализованы в связи со смертью архитектора⁸³. Некоторые постройки, начатые Гербелем, пришлось завершать Киавери. Он достраивал Кунсткамеру и Исаакиевскую церковь, был также автором проекта дворца царицы Прасковьи Федоровны на В. О., возвел дошедшую до наших дней православную церковь в с. Коростине под Новгородом — имени супруги императора Екатерины Алексеевны⁸⁴.

Даже простое перечисление петербургских католиков Петровской эпохи, без указания каких-либо биографических данных, заняло бы слишком много места⁸⁵. Однако, рассматривая вопрос о социальном составе прихода, невозможно обойти стороной тему присутствия в нем служащих госаппарата. В составе «католического общества» нам удалось обнаружить служащих Адмиралтейства Симона Лица и Мартына Сольце, переводчика адмиралтейской коллегии Якова Вуда⁸⁶, товарища герольдмейстера при Герольдмейстерской конторе графа Франциска (Франца Матвеевича) Санти (Сантея)⁸⁷ и «гистории описателя» из коллегии иностранных дел Ивана (Ягана) Крусали⁸⁸. Очевидно, что прихожане костела были представлены чиновниками в очень малом количестве (если не причислять к ним архитекторов, служивших в Канцелярии от строений)⁸⁹. В гражданской администрации Петра Великого католики не занимали даже второстепенных мест — среди «первостроителей Российской империи», чьи имена

собраны историком Д. О. Серовым, возможно, только один чиновник исповедовал католичество⁹⁰. Зато в составе госаппарата в первой четверти XVIII в. трудился как минимум 52 чиновника-протестанта⁹¹.

Участие петербургских католиков в общественной жизни России, для многих ставшей второй родиной, не ограничивалось только исполнением служебных обязанностей. Вместе с протестантами «латиняне» выступали организаторами и действующими лицами городских и придворных увеселений, а также траурных церемоний⁹². Например, описание «компании маскарада в С.-Петербурге 1723 году», составленное Ф.-В. Берхгольцем, свидетельствует об участии в мероприятии ряда католиков, а именно архитекторов Д. Трезини и И. Бустели, капитана Г. Дасколи⁹³.

Католики Петербурга своими художественными талантами, подчас весьма крупными, навыками искусного ремесла, а также уникальными профессиональными знаниями, в которых Россия имела большой недостаток, принесли немалую пользу стране. Их вклад в развитие русского общества и государства при Петре Великом следует признать очень весомым, чему свидетельствуют рассмотренные выше реальные трудовые достижения приверженцев Римской церкви. Анализ персонального состава прихожан костела позволяет утверждать преобладание среди католиков северной столицы ремесленников и флотских офицеров (особенно служителей галерного флота), однако наиболее заметный след в истории Петербурга и государства в целом оставили входившие в латинский приход деятели искусства. Именно они предопределили интенсивное воздействие католичества в духовной жизни России XVIII в. Гражданские чиновники и купцы составляли приходское меньшинство и оказали незначительное, даже по сравнению с петербургскими протестантами, влияние на ход государственного строительства и развитие торговли.

Примечания

1. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-31-01205.

2. О правовых аспектах жизнедеятельности римско-католических общин и реализации религиозных свобод в России см.: Андреев А. Н. Западно-христианские вероисповедания и общество в России XVIII в. : дис. ... д-ра ист. наук. — Челябинск, 2011. — С. 215—241; Andreev A. N. Catholic Communities in Russia at the Age of Peter the Great // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. — 2009. — Vol. 2. — № 3. — P. 435—442; Андреев А. Н. Римские католики в России в первой половине XVIII в. // Культура и искусство в памятниках и исследованиях : сб. науч. тр. / науч. ред. Н. П. Парфентьев. — Вып. 4. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2006. — С. 54—65.

3. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. Иржи Давид. Современное состояние Великой России, или Московии. — Рязань : Александрия, 2010. — С. 194. См. данные об аналогичных поездках московских иезуитов в 1705 и 1706 гг.: Там же. — С. 195—196.

4. Грабарь И. Э. История русского искусства. — Т. 3. Петербургская архитектура в XVIII и XIX в. — М. : Издание И. Кнебель, [1912]. — С. 29.

5. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. — С. 196.

6. Там же.

7. Там же. — С. 195—196.
8. РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 540. Л. 14—14 об., 17.
9. См.: Андреев А. Н. Западно-христианские вероисповедания и общество в России XVIII в. — С. 136—137.
10. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. — С. 198.
11. См.: Андреев А. Н. Католицизм и общество в России XVIII в. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. — С. 60—61.
12. Л. Н. Семенова подсчитала, что к 1725 г. в Петербурге проживало примерно 30—40 тысяч человек. См.: Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. — Л. : Наука, 1974. — С. 25.
13. Материалы для истории русского флота. — Ч. 1. — СПб. : Типография морского министерства, 1865. — С. 402, 407, 410, 414, 426, 470, 535, 570—571, 646, 661—663, 679, 693.
14. Там же. — Ч. 2. — С. 663—664; Ч. 3. — С. 654—657.
15. Там же. — Ч. 2. — С. 26, 42—44, 149, 155, 172, 188, 193, 203—205, 225, 229, 233, 295, 383; Материалы для истории русского флота. — Ч. 5. — СПб. : Типография морского министерства, 1875. — С. 117.
16. Успенский Б. А., Шишкин А. Б. Триаковский и янсенисты // Символ: журнал христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже. — Париж, 1990. — № 23 (июнь). — С. 202.
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 286. Л. 13 об.; Д. 453. Л. 11 об., 36.
18. Theiner A. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples. — Rome : Imprimerie du Vatican, 1859. — P. 469.
19. РГАДА. Ф. 152. Оп. 1 (1719 г.). Д. 1. Л. 2 об.—3 об.
20. См.: Андреев А. Н. Западно-христианские вероисповедания и общество в России XVIII в. — С. 137—138, 220—221.
21. РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 540. Л. 14.
22. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1724 г.). Д. 4. Л. 1—2.
23. Материалы для истории русского флота. — Ч. 3. — СПб. : Типография морского министерства, 1866. — С. 3.
24. Журнал Н. А. Синявина // Морские сражения русского флота: воспоминания, дневники, письма. — М. : Военное изд-во, 1994; Материалы для истории русского флота. — Ч. 1. — С. 78, 90, 110, 168—170.
25. Материалы для истории русского флота. — Ч. 1. — С. 225—227, 323, 667, 694.
26. Материалы для истории русского флота. — Ч. 6. — СПб. : Типография морского министерства, 1877. — С. 3
27. Там же. — Ч. 1. — С. 139.
28. Там же. — Ч. 5. — С. 117.
29. РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 540. Л. 34.
30. Там же. — Л. 47.
31. РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 244. Л. 1—2.
32. О нем см.: Материалы для истории русского флота. — Ч. 1. — С. 574, 585, 671, 688.
33. Там же. — Ч. 5. — С. 295—296, 329, 466, 469, 475, 827.
34. Дасколи (Дашколи) Георгий Иванович (Жорж-Франциск) был принят на русскую службу в 1703 г., в 1705 г. произведен в капитаны, в 1724 г. — в капитан-поручики. Уволен со службы в 1726 г. См.: Там же. — Ч. 1. — С. 252, 574, 634.
35. Там же. — Ч. 1. — С. 251, 367, 574; Ч. 5. — С. 22, 372, 751.
36. Там же. — Ч. 5. — С. 372, 586, 616, 653, 686, 761, 774; Ч. 6. — С. 2.
37. Там же. — Ч. 1. — С. 574, 617. Вместе с Борбариче и Л. Демьяновым в 1723—1724 гг. поддерживал капуцина Аполлиария в его противостоянии францисканцам. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 540. Л. 47 об.
38. Материалы для истории русского флота. — Ч. 5. — С. 22, 372; Ч. 6. — С. 2.
39. РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 244. Л. 2.
40. Там же. — Л. 2.
41. О нем см.: Материалы для истории русского флота. — Ч. 1. — С. 487, 514, 543, 623, 632, 681; Ч. 5. — С. 100, 117.
42. Там же. — Ч. 1. — С. 335, 352, 417—418, 478, 487.
43. Военные пребывали в разъездах и после окончания Северной войны. Например, в 1723 г. многие католики (Рагозео, Грациан и др.) вместе с М. Х. Змаевичем были командированы в Воронеж; капитан М. Дубровин долгое время находился в Москве, Астрахани и Новгороде; Фангофт — в Ревеле. См.: Там же. — Ч. 5. — С. 302—303, 336, 473, 476—477; Ч. 6. — С. 2; Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца // Юность державы / Фридрих Берхголец. Геннинг Бассевич. — М. : Фонд Сергея Дубова, 2000. — С. 101—103.
44. Роль Д. Трезини в становлении прихода обстоятельно рассмотрена в статье: Андреев А. Н. Доминико Трезини — староста римско-католического прихода в Санкт-Петербурге // Российская история. — 2013 (в печати). См. также: Андреев А. Н., Андреева Ю. С. Католическая составляющая в творчестве Доминико Трезини: к постановке проблемы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2013. — Т. 13. — Вып. 1. — С. 94—99.
45. См.: АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1724 г.). Д. 2. Л. 7.
46. Там же. — Л. 7.
47. РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 1032. Л. 31.
48. 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704—1904. — СПб. : б. и., 1911. — С. 75.
49. Анисимов Е. В. Петербург времен Петра Великого. — М. : Центрполиграф, 2010. — С. 264.
50. См.: Аржанухин В., Дремлюг А. Трехсотлетие католической общины Санкт-Петербурга // Символ. — 2002. — № 46. — С. 199. Главная аптека, возле которой располагался костел Греческой слободы, находилась на Миллионной улице на месте нынешнего дома № 4. См.: Хавен П. фон. Путешествие в Россию. — СПб. : Изд-во журнала «Всемирное Слово», 2007. — С. 281 (Примечания В. Е. Возгрина).
51. Планы С. Петербурга в 1700, 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 годах, с приложением планов 13 частей столицы 1853 года, составлены Н. Цыловым. — СПб. : б. и., 1853 (без пагинации).
52. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1724 г.). Д. 2. Л. 8.
53. В документах удалось обнаружить имена только трех «купецких людей»: итальянцев Пьетро Салучи и Джузеппе Мариотти, а также француза Бершата. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 540. Л. 13, 47 об.
54. В январе 1716 г. католику Салучи было заплачено за табакерки из кабинетных сумм Его Величества, а в октябре 1721 г. он находился в Италии, где закупал «мраморные вещи для кашкаду». См.: 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. — С. 224, 227.
55. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1724 г.). Д. 2. Л. 7.
56. Там же. — Л. 7 об.
57. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / сост., пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. В. Малиновского. — Т. 1. — М. : Искусство, 1990. — С. 161.
58. Анисимов Е. В. Указ. соч. — С. 107.
59. Андреев А. Н., Андреева Ю. С. Католическая составляющая в творчестве Доминико Трезини: к постановке проблемы. — С. 96.
60. РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 286. Л. 12—13 об.
61. Антонов В. В. Б. Симон — помощник Пино // От Средневековья к Новому времени: материалы и исследования по русскому искусству XVIII — первой половины XIX в. / под ред. Т. В. Алексеевой. — М. : Наука, 1984. — С. 124.
62. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1725 г.). Д. 1. Л. 8—16; Оп. 10/1 (1726 г.). Д. 1. Л. 1.
63. Антонов В. В. Указ. соч. — С. 124—126, 129.
64. Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). — СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1998. — С. 22—23.

65. Антонов В. В. Указ. соч. — С. 126.
66. См. первую метрическую книгу петербургского костела: ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 31. Л. 9, 10, 19 об.; Впервые сведения о родственных связях Пино, Каравака, Трезини и Симона со ссылкой на указанное архивное дело привел В. В. Антонов. См.: Антонов В. В. Указ. соч. — С. 129.
67. Среди «старост и строителей» костела в 1724 г., помимо Луи Каравака, указан еще некий Матфей Каравак (Matteo Caravaque). См.: АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1724 г.). Д. 2. Л. 1 об.; Людовик Каравак приехал в Россию вместе с сыновьями Жаном и Жозефом, которые были скульпторами. Кем приходился художнику Маттео — не ясно. См.: Антонов В. В. Указ. соч. — С. 130.
68. Коваленская Н. Н. Живопись первой половины XVIII в. // История русского искусства / под ред. академика И. Э. Грабаря. — Т. 5. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — С. 312.
69. Приведем комментарий специалиста: «в рисунке Каравак не только бесхарактерен, но порою и небрежен. Он плохо знает анатомию человеческого тела, что особенно сказывается на изображении лиц и декольтированных бюстов». См.: Коваленская Н. Н. Указ. соч. — С. 314.
70. В связи с этим интересен следующий факт: Л. Каравак, экзаменуя А. Матвеева, задал ему «нарисовать рисунок из его вымысла, историчный, а именно: ангел изводит апостола Петра из темницы». См.: Корольков М. Я. Архитекты Трезини // Старые годы. — 1911. — № 4. — С. 30. Выбор темы мог быть не случайным, поскольку апостол Петр у католиков традиционно считается основателем папства и небесным хранителем Римского престола. См. об обращении к образу апостола Петра Д. Трезини: Андреев А. Н., Андреева Ю. С. Католическая составляющая в творчестве Доминико Трезини: к постановке проблемы. — С. 95.
71. Побединская А. Г. Введение // Русское искусство эпохи барокко. Конец XVII — первая половина XVIII в. Каталог выставки. — Л.: Искусство, 1984. — С. 14.
72. Архипов Н. И., Раскин А. Г. Бартоломео Карло Растрелли. 1675—1744. — М.; Л.: Искусство, 1964. — С. 15; 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. — С. 33.
73. Матвеев А. А. Растрелли. — М.: Искусство, 1938. — С. 14; Архипов Н. И., Раскин А. Г. Указ. соч. — С. 16.
74. Они также фигурируют среди знатных прихожан костела Греческой слободы. См.: АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1724 г.). Д. 2. Л. 15.
75. Дворец не сохранился, сейчас на этом месте — дом по ул. Шпалерной, 27 / Захарьевской, 6.
76. Архипов Н. И., Раскин А. Г. Указ. соч. — С. 29, 60.
77. РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 286. Л. 13 об.
78. Архипов Н. И., Раскин А. Г. Указ. соч. — С. 60. О том же: Козьян Г. К. Ф.-Б. Растрелли. — Л.: Лениздат, 1976. — С. 15.
79. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. — Т. 1. — С. 227; Морозова А. А. Н. Ф. Гербель. Городской архитектор Санкт-Петербурга. 1719—1724 гг. — СПб.: Стройиздат, 2004. — 224 с.; А. А. Морозова отмечает, что именно Гербель положил начало радиальной системе улиц Петербурга, ориентированных на Адмиралтейство (т. н. «Пятилучью»).
80. Шилков В. Ф. Архитекторы-иностранцы при Петре I // История русского искусства. — Т. 5. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — С. 99.
81. Там же.
82. О договоре подряда на строительство костела и участия в стройке Н. Ф. Гербеля см.: АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1724 г.). Д. 4. Л. 1.
83. Подробнее см.: Андреев А. Н. Доминико Трезини — староста римско-католического прихода в Санкт-Петербурге. — С. 81.
84. Шилков В. Ф. Указ. соч. — С. 112.
85. Укажем некоторых, еще не названных, католиков: в 1723—1724 гг. в их числе находились адмиралтейские плотники-кораблестроители Франциск Депонтий, Клавдий Ниглон, Питер Фонгорн, Питер Форн, Генрих Адармин, Антон Шмит, Франц Гудин и Ян Рамбурх; «каменного дела мастер» Готфрид Шерель, архитектор Яган Бустели, «гаванных дел мастер» Юзеф Пирецкий, резчик Эргард Эггарай, «дворцовой аптеки подмастерье» Франциск Грим, «дворцовой кухмейстер» Францишек Сыжевский; книжный переплетчик Войткен и др. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 244. Л. 2; Оп. 4. Д. 540. Л. 14—14 об., 17; Оп. 6. Д. 126. Л. 6.
86. РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 244. Л. 2.
87. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1724 г.). Д. 2. Л. 15—19; Граф Ф. М. Санти (1683—1758), уроженец Пьемонта, в 1725 г. был назначен обер-церемониймейстером двора. См. о нем справочную информацию в изданиях: Империя после Петра. 1725—1765. — М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. — С. 530; Екатерина: путь к власти. — М.: Фонд Сергея Дубова, 2003. — С. 362; Турганев А. И. Российский двор в XVIII в. — СПб.: Искусство—СПБ, 2005. — С. 509.
88. Поленов Д. В. О присяге иноземцев, принятых в русскую службу при Петре Великом // Русский архив. — 1869. — Вып. 11. — Стб. 1755, 1765.
89. Возможно, католиками были также французы Яков Вернизобер, переводчик Юстиц-коллегии, и Иван (Жан) Маньян, советник Коммерц-коллегии. См.: Там же. — Стб. 1749, 1760—1761.
90. Речь идет о баварце Иване-Павле Баконе, в 1717—1727 гг. служившем советником Коммерц-коллегии. В 1727 г. Бакон получил отставку, поселился в Австрии, но в 1734 г. вернулся в Россию и возобновил службу в Коммерц-коллегии в прежней должности. См.: Серов Д. О. Администрация Петра I. — М.: ОГИ, 2007. — С. 24; Поленов Д. В. Указ. соч. — Стб. 1753.
91. См.: Алакшин А. Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII в. — Челябинск: ЧелГУ, 2006. — С. 359—361.
92. Проблема привнесения в Россию в XVIII в. «интеллектуальной, бытовой и политической культуры» инославными христианами Петербурга впервые обозначена А. Э. Алакшиным. См.: Алакшин А. Э. Указ. соч. — С. 387.
93. Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца // Юность державы / Фридрих Берхгольд. Геннинг Бассевич. — М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. — С. 186, 190, 192.

Поступила в редакцию 8 июля 2013 г.

АНДРЕЕВ Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры искусствоведения и культурологии, Южно-Уральский государственный университет. Сфера научных интересов: история западнохристианских вероисповеданий в России, история духовной культуры России XVIII в., история Русской Православной Церкви, методология исторического познания. E-mail: alxand@yandex.ru

ANDREEV Alexander Nikolayevich, PhD in History, Full professor of the Department of arts and culturology of the Southern Ural State University. Professional interests: History of West-Christian confessions in Russia, history of Russian spiritual culture in the 18-th century, history of Russian Orthodox Church, methodology of history cognition. E-mail: alxand@yandex.ru